

УДК 316.334.56  
ББК 71.084.2  
DOI 10.25281/2072-3156-2022-19-2-128-137

М.Л. ШУБ

## ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА

---

---

**Мария Львовна Шуб,**

Челябинский государственный институт культуры,  
кафедра культурологии и социологии,  
заведующая  
Орджоникидзе ул., д. 36а, Челябинск, 454091, Россия

доктор культурологии, доцент  
ORCID 0000-0002-3159-6391  
E-mail: shubka\_83@mail.ru

---

---

**Реферат.** Статья посвящена осмыслению феномена городской идентичности, в частности ее знаково-символического уровня. Под городской идентичностью в контексте настоящего исследования мы понимаем совокупность аутентичных, присущих конкретному городу черт и характеристик, выполняющих атрибутивную функцию, позволяющих дифференцировать его из числа других городов; процесс и результат идентификации человека с городом, основанной на принятии его самобытности,

эмоциональном вхождении в пространство его предметной и знаково-символической среды. Знаково-символический уровень городской идентичности предполагает личностное освоение семиотической среды города, включение ее в пространство событийного и эмоционального опыта его жителей, превращение объектов знаково-символического пространства города в совокупность «мест памяти». Автором статьи было проведено культурологическое исследование городской идентичности жителей промышленных городов Южного Урала (метод полуструктурированного интервью; массив респондентов – 270 человек), в том числе и ее знаково-символической компоненты. Ее специфическими чертами выступают культуранцентричность (преобладание рукотворных знаково-символических объектов над природными и смешанными); коммеморативность (доминирование мемориальных объектов – мемориальная скульптура и скульптурные композиции, музеи, этнопарки, историческая застройка, иные памятники историко-культурного наследия – над объектами других типов); ретроориентирован-

ность (преобладание объектов, темпорально ассоциированных с прошлым, главным образом с советским периодом); однообразие (ограниченный диапазон объектов, выбираемых жителями одного города); синкретичность (тождественность объектов, ориентированных на различные аудитории); коллективизм (тотальное преобладание объектов — знаков групповой идентичности); центрированность (центростремительная локализация объектов, их расположение преимущественно в центре города). Результаты проведенного исследования позволяют со значительной долей уверенности говорить о весьма рельефно проявленных особенностях восприятия жителями городов Южного Урала собственной малой Родины, о проблемных и сильных сторонах сложившейся городской идентичности, векторах ее коррекции и совершенствования.

**Ключевые слова:** теоретическая культурология, культурные практики, идентичность, локальная идентичность, городская идентичность, знаково-символический уровень идентичности, индустриальный город, архитектура.

**Для цитирования:** Шуб М.Л. Знаково-символический уровень городской идентичности жителей индустриальных городов Южного Урала // Обсерватория культуры. 2022. Т. 19, № 2. С. 128–137. DOI: 10.25281/2072-3156-2022-19-2-128-137.

Современная гуманитарная наука достаточно часто апеллирует к феномену идентичности в целом, а также к отдельным ее типам: социальному, коллективному, групповому, территориальному, городскому, сельскому и т. п. С одной стороны, это связано с универсальностью и междисциплинарностью данных понятий, позволяющих обращаться к ним представителям разных наук (от философии до социологии). С другой стороны, их научно-исследовательская востребованность — показатель кризисного состояния соответствующих этим понятиям явлений. Достаточно вспомнить ставшую почти крылатой фразу французского историка П. Нора: «О памяти так много говорят, потому что ее больше нет» [1, с. 37], или идею американского психолога и социолога Э. Эриксона: «Об идентичности начинают думать и писать, когда с ней что-то не в порядке» [2, с. 7] (перевод мой. — М. Ш.).

В рамках настоящей статьи мы также обратимся к вопросам идентичности, рассмотрев ее сквозь призму конкретных пространственно-временных и содержательных параметров: нас будут интересовать наиболее значимые черты знаково-символического уровня городской идентичности современных жителей Южного Урала.

## СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ И СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Термин «идентичность» и его производные употребляются исследователями в достаточно широком смысловом спектре, поэтому представляется важным внести терминологическую ясность и уточнить авторскую позицию относительно сути используемых в статье понятий.

Автором термина «идентичность» является Э. Эриксон, который понимал ее в индивидуализированном ключе как «процесс организации жизненного опыта в индивидуальное Я... отождествление личностью собственной самости с одним или несколькими коллективами и исторической эпохой в целом» [3, с. 8].

Понятие идентичности в ее коллективном измерении вошло в гуманитарный дискурс в 1989 г. благодаря А. Мелуччи, который трактовал идентичность как интерактивное и разделяемое определение, созданное несколькими людьми (или группами на более сложном уровне) и связанное с направленностью действия и областью возможностей и ограничений, в которой происходит действие [4, р. 56]. Другими словами, коллективная идентичность, по мысли А. Мелуччи, — это система ценностей, норм, мировоззренческих установок, разделяемых большей или меньшей по численности группой и регулирующих ее деятельность. П.Л. Крупкин «направленность действия» А. Мелуччи конкретизировал через «правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения их из нее, критерии различения “свой/чужой” для данной группы» [5, с. 129].

Следует отметить, что многие исследователи отождествляют понятия коллективной и социальной идентичности [6; 7]. На наш взгляд, это не совсем верно. Мы предлагаем различать индивидуальную и коллективную идентичность, понимая под первой самоидентификацию личности как носителя уникальных черт и характеристик, а под второй — отождествление человека с каким-либо фрагментом социальной среды (профессиональным, религиозным, этническим и пр.) и соответствующими ему ценностно-нормативными установками. При этом, во-первых, оба типа идентичности взаимосвязаны, поскольку ее индивидуальная форма образуется во многом за счет «впитывания», интериоризации социальных предписаний, а коллективная строится на основе особенностей персонального «Я». Во-вторых, и индивидуальная, и коллективная идентичность, как совершенно справедливо отмечал клас-

стик отечественной социологии В.А. Ядов, имеют социальную природу, т. е. могут называться социальными [8, с. 158].

В процессе отождествления себя с социальной группой человек в некотором смысле нивелирует собственную «самость», принимая на себя обязательства группового бытования, но в то же время он приобретает со стороны группы защиту и критерии оценки мира и самого себя.

Типологически социальная идентичность представлена достаточно разнообразно. Так, чаще всего выделяют естественный и искусственный типы. Естественная идентичность определяется, как правило, по факту рождения или какими-то иными, не зависящими (или зависящими в чрезвычайно малой степени) от человека факторами: гендерным, этническим, религиозным и др. Искусственная идентичность (политическая, профессиональная и др.), напротив, зависит от сознательного выбора личности. Можно также выделить тип пограничной идентичности, в рамках которой естественная форма трансформируется в искусственную. Наиболее ярким примером пограничной идентичности может считаться городская идентичность.

В современной исследовательской практике городская идентичность трактуется в рамках двух основных подходов: экстраполятивного и интегративного.

Экстраполятивный подход подразумевает определение городской идентичности как разновидности территориальной, которая, в свою очередь, трактуется как «совокупности территориальных смыслов, репрезентируемых в пространстве в виде образов, концептов, ассоциаций, вызывающих отождествление человека с конкретной территорией и людьми, проживающими на ней» [9, с. 373–374].

В рамках интегративного подхода осмысление городской идентичности осуществляется посредством соединения смыслового наполнения понятия «идентичность» и субъекта идентификации (например, города). В данном контексте городская идентичность определяется как «устойчивое представление человека о себе как о жителе именно этого города, естественное ощущение своей связи с городом, эмоциональное отношение к факту собственной соотнесенности с городом и его жителями, некое сложно артикулируемое чувство общей судьбы» [10, с. 14]; как установление связей между человеком и городской средой, основным итогом которого является превращение города в обобщенный символ индивидуального опыта [11, р. 286]; как «представление о самом себе как жителе этого города» [12, с. 71].

Под городской идентичностью, вслед за П. Никенедом, мы понимаем совокупность аутентичных, присущих конкретному городу черт и характери-

стик, выполняющих атрибутивную функцию, позволяющих дифференцировать его из числа других городов; процесс и результат идентификации человека с городом, основанной на принятии его самобытности, на эмоциональном вхождении в пространство его предметной и знаково-символической среды [13, р. 152–153].

Структура идентичности любого типа/подтипа (в том числе городской) в наиболее общем виде представляет собой систему взаимосвязанных компонентов:

- ◆ когнитивного (рационально-критическое осознание причастности индивида к какой-либо группе);

- ◆ ценностно-нормативного (соотнесение собственных ценностных ориентаций с аксиологическими установками группы, полное или частичное принятие последних);

- ◆ эмоционального (иррациональное переживание принадлежности к группе и оценка этой принадлежности);

- ◆ деятельностного (формирование моделей поведения, основанных на степени и характере разделяемости ценностно-нормативных ориентиров группы, на аффективном восприятии личностью комфортности отождествления с ней).

К данной достаточно устоявшейся в исследовательской традиции структуре мы предлагаем добавить еще один уровень — знаково-символический, основанный на отождествлении личности с той или иной группой посредством принятия ее семиотической среды. И несмотря на то что в структуре городской идентичности, по мысли Г.В. Горновой, в наибольшей степени выражены когнитивный и ценностный компоненты [10, с. 15], в рамках данной статьи мы бы хотели обратить внимание именно на знаково-символический компонент.

Знаково-символическая составляющая городской среды в целом достаточно часто попадает в орбиту интересов современных гуманитариев, главным образом в контексте маркетинговых, имиджевых и брендинговых исследований. Однако важно понимать, что знаково-символический уровень городской идентичности не тождественен знаково-символическому пространству города. Последнее представляет собой то, что Ю.М. Лотман называл «мощным генератором информации», «котлом текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [14, с. 35]. К знаково-символическому пространству города он относил «архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох...» [14, с. 36].

Знаково-символический уровень городской идентичности предполагает личностное освое-

ние семиотической среды города, тотальное или фрагментарное включение ее в пространство событийного и эмоционального опыта жителя, превращение объектов знаково-символического пространства города в своего рода ценностно промаркированные «места памяти» [1, с. 79]. Можно сказать, что знаково-символическое пространство города соотносится со знаково-символическим уровнем городской идентичности, как физическая городская среда и «чувство места» (личная привязанность к отдельным городским объектам и субъективно присваиваемые им значения, смыслы, ассоциации, развитие аффективной связи или связи между людьми и конкретными местами [15, р. 157].

Значимость осмысления знаково-символического компонента городской идентичности особенно остро проявляется в последние годы, которые, по мнению М. Арефи, характеризуются кризисом отношений между физическим ландшафтом города и его смысловым наполнением [16, с. 179]. Природа этого кризиса связана главным образом с появлением в современных городах «пустых объектов», не несущих никаких исторических, культурных, социальных и иных коннотаций. Такие объекты М. Арефи называет «не-местами», а формируемое вокруг них знаково-символическое пространство — «безместностью»; территориальное расширение «безместности» трансформирует и значения объектов городской среды, заложенные в существующей социокультурной традиции, и чувство психологической привязанности к ним [16, р. 180]. Она влечет за собой сбой в процессах идентификации жителей с городской средой, поскольку невозможно идентифицировать себя с тем, чего нет, и с тем, что ничего не значит. Это особенно актуально для современных индустриальных городов Южного Урала, в которых такого рода «сбой идентичности» проявляется, прежде всего, в массовом оттоке населения.

Знаково-символическое пространство города представляет собой разнообразный символический ландшафт, включающий в себя не только значимые памятники, архитектурные объекты, места, «символический центр», специфические атрибуты городской среды, но и наиболее важные исторические события, поводы для коллективной гордости и пр. По словам Р.В. Евстифеева, «изучение локальной топонимики и оценка значимости, то есть ценности для коллективного сознания горожан, тех или иных точек и зон городского/окрестного ландшафта позволяет определить одну из граней символического пространства города, увидеть городскую «индивидуальность», видимую самими жителями города и предъявляемую реальным и виртуальным гостям» [7, с. 38].

## СОДЕРЖАТЕЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКОГО УРОВНЯ

Эмпирическое изучение знаково-символического уровня городской идентичности осуществлялось в рамках масштабного культурологического исследования, которое в целом было направлено на выявление специфики идентичности жителей индустриальных городов Южного Урала (Челябинска, Магнитогорска, Златоуста). Культурологический характер исследования проявлялся, прежде всего, в стремлении не столько зафиксировать количественные основания процесса идентификации жителей с местами их территориальной локализации, сколько понять природу этого процесса, определить особенности его протекания в разных городах, выявить корреляции с общим социокультурным, историческим, экономическим контекстом.

Выбор обозначенных городов был детерминирован двумя обстоятельствами. Во-первых, их постсоветское развитие характеризуется системными кризисными состояниями в различных сферах: экономической (закрытие промышленных предприятий или резкое падение производственных мощностей), социальной (резкий отток коренного населения и приток мигрантов), культурной (достаточно низкий уровень интенсивности культурно-досуговой жизни), экологической (экологическое неблагополучие, связанное с работой промышленных предприятий, низким качеством очистных сооружений и пр.). В таких условиях специфика городской идентичности проявляется более контрастно, чем в городах с относительно позитивной картиной развития, более рельефно выступают проблемные и позитивные зоны, претензии и ожидания населения. Во-вторых, заявленные города являются моноэкономическими (с доминирующим индустриальным компонентом экономики), а два из трех (Магнитогорск и Златоуст) — моногорода (населенные пункты, образованные вокруг одного промышленного предприятия). Все моногорода обладают достаточно типичным набором характеристик, включая городскую идентичность. Поэтому опыт изучения городской идентичности моногородов Южного Урала (методику, инструментарий, теоретические выводы и пр.) можно экстраполировать и на моногорода других российских регионов.

Исследование проводилось с использованием трех методов — массового опроса, нарративного анализа и полуструктурированного интервью. В рамках данной статьи приводятся результаты апробации последнего метода.

### Востребованность сценариев знаково-символической идентичности жителей индустриальных городов Южного Урала

Число объектов (по городам)	Сценарии		
	Экстериорный	Интерьерный	Проективной мемориализации
Челябинск	68	54	38
Магнитогорск	45	35	28
Златоуст	42	39	26

Респондентам (массив выборки составил 270 человек) в рамках различных вопросов было предложено обозначить городские объекты, места, символы, образы, наиболее памятные и значимые для туристов, лично для них, для потомков. Полученные ответы позволили выделить три сценария построения идентификационных связей в системе «житель — город» с точки зрения их знаково-символической репрезентации:

*Внешироориентированный (экстериорный) сценарий* — идентификация с городом через его презентационные характеристики, объекты, отражающие имидж города и обладающие потенциалом бренда. Этому сценарию соответствовали ответы на вопрос: «Представьте себе, что к вам приехали люди, ранее не бывавшие в вашем городе и желающие в короткое время познакомиться с ним. В какие места вы бы их повели?».

*Внутриориентированный (интерьерный) сценарий* — идентификация с городом через соотнесение его знаково-символического ландшафта с личными переживаниями, воспоминаниями, предпочтениями. Этот уровень идентичности В. Беньямин метафорически обозначил так: «Город как сцена моих чувств». В работе «Берлинская хроника», во многом посвященной именно знаково-символическому уровню городской идентичности, ученый визуализировал его через систему нанесенных на карту Берлина топосов — особо значимых мест (кафе, площадей, памятников, улиц), которые «становятся сценами, аренами, где разворачиваются события, образуя прерывистый нарратив его жизни» [17, с. 166]. Данный сценарий коррелировал с ответами на вопрос: «Какие бы вы могли выделить наиболее запоминающиеся и значимые лично для вас исторические символы, образы, памятные места и достопримечательности?».

*Сценарий проективной мемориализации* — идентификация с городом через моделирование идеальной знаково-символической среды будущего. Сценарий соответствовал вопросу «Если представить

ситуацию, что вам предложили бы сохранить для потомков какое-то одно место (объект, предмет) в вашем городе, что бы вы выбрали?».

В целом экстериорный сценарий оказался самым востребованным: респонденты с большей активностью называли объекты, которые могли бы в глазах туристов эффективно представлять их родные города (табл. 1). Им было существенно легче смоделировать воображаемый гостевой маршрут по основным городским достопримечательностям, чем отразить личное восприятие городского ландшафта. В Таблице 2 представлены наиболее популярные объекты (пятерка самых часто встречающихся ответов), названные жителями Челябинска, Магнитогорска и Златоуста и соответствующие трем выделенным сценариям.

## ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКОГО УРОВНЯ

Специфическими чертами знаково-символического уровня городской идентичности выступают:

- ◆ культуранцентричность;
- ◆ коммеморативность;
- ◆ ретроориентированность;
- ◆ однообразие;
- ◆ коллективизм;
- ◆ центрированность.

*Культуранцентричность* — преобладание рукотворных знаково-символических объектов над природными (национальный и экологический парки, лесной массив) и смешанными (парки, скверы). В этом контексте можно также говорить и о гуманистичности городской идентичности, ее эстетической природе. Главными символами городского пространства, ориентированными как на жителей, так и на гостевую аудиторию, выступают челове-

коцентрированные «объекты» (основатели городов и градообразующих промыслов, строители промышленных предприятий, герои и участники Великой Отечественной войны), а также объекты, которые формируют уникальный эстетический облик городов (памятники, архитектурные сооружения, кварталы, улицы и пр.).

Промышленные предприятия, которые, казалось бы, выступают самыми очевидными символами промышленных городов и благодаря которым эти города и были сформированы, либо не упоминались совсем, либо оставались за пределами наиболее востребованных ответов. Несмотря на объективно высокое градоформирующее и социально-экономическое значение различных южноуральских промышленных предприятий (например, Магнитогорского металлургического комбината, Златоустовского металлургического завода, Челябинского трубопрокатного комбината и др.), они не рассматриваются как объекты брендовой репрезентации городов или лично значимые для респондентов. Жители Челябинской области предпочитают делать акцент на конструктивных символах — уникальных природно-географических объектах, интересной истории, во многом связанной и с освоением уральской земли еще в XVIII в., и с ударными стройками первых пятилеток, и с героическим вкладом в дело Великой Победы.

Индустриальный сектор традиционно воспринимается жителями Челябинской области как главный и мощнейший источник экологического неблагополучия, нивелирующего все выгоды и преимущества, которые дает региону эффективная промышленность.

*Коммеморативность* — доминирование мемориальных объектов (мемориальная скульптура и скульптурные композиции, музеи, этнопарки, историческая застройка, иные памятники историко-культурного наследия) над объектами других типов (досуговыми, производственными, коммерческими, научно-образовательными и др.). Интерес к прошлому и различным формам его увековечивания может считаться проявлением особой темпоральной связи человека и места проживания. Такого рода связь мы предлагаем называть *метогу-идентичностью*. Метогу-идентичность формируется на двух уровнях: персональном и социальном.

На персональном уровне метогу-идентичность подпитывается ресурсами автобиографической памяти и проявляется в частных воспоминаниях, связанных с городом. Этот уровень автобиографической памяти В.В. Нуркова назвала микроуровнем, вмещающим в себя такие воспоминания, как «фотографические» (визуальные), «важные» (ценностно насыщенные), «переломные» (бифуркационные по своей сути) и «характерные» (типичные для определенной социальной общности) [18, с. 69]. Макроуровень автобиографической памяти образован «единица-

ми жизненных тем, истории жизни, представлениями о своей судьбе как целостности...» [18, с. 69]. Его суть очень образно отражена в романе Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы»: «Наверное, человеку свойственна привязанность к местам своего детства и юности... Может, потому что в них, как в зеркале, как на глади озера, запечатлен твой образ в те годы, когда ты был счастлив...» [19, с. 77].

На социальном уровне метогу-идентичность связана с оценкой прошлого города сквозь призму его исторической судьбы. Прошлое сквозь призму коллективной памяти приобретает свойства аксиологичности (воспринимается как наиболее важный модус времени) и мифологичности (репрезентуется в большей степени посредством символов и образов, нежели конкретных событий).

В реальности обе формы метогу-идентичности существуют в формате сообщающихся сосудов: «В системе воспоминаний индивида есть такие, которые он считает исключительно своими, связанными лишь с его биографией. Но в то же время в определенные моменты он способен вести себя лишь как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу» [20].

*Ретроориентированность* — преобладание объектов, темпорально ассоциированных с прошлым (историческая застройка, памятники основателям городов и др.), главным образом с советским периодом страны. Как отмечают авторы исследования локальной идентичности жителей Русского Севера Е.В. Недосека и Г.В. Жигунова, «будучи наследством от советской системы административно-территориальной организации, с ее политикой распределения и социальными гарантиями, жители моногородов больше всего транслируют ностальгию по советскому прошлому. К жизни в новых капиталистических реалиях, требующих большей индивидуальной ответственности и активности, население оказалось не готовым» [21, с. 122]. Следует заметить, что ностальгический компонент городской идентичности связан не только с низкой адаптационной способностью населения, но и с ее природой. Прошлое играет огромную роль в формировании и поддержании национальной и локальной идентичности. Именно общие для группы представления о прошлом формируют стратегии ее социального поведения, способы интерпретации актуальной действительности, закладывают ценностные и нормативные коды существования: «Коллективная память очерчивает границы социальной общности и создает ее идентичность, предписывая долго помнить определенные вещи определенным образом и табуируя сомнения в канонической версии и возможность иных интерпретаций» [22, с. 161].

В данном контексте можно предположить, что особый ценностный статус прошлого продикто-

**Востребованность знаково-символических объектов жителями  
индустриальных городов Южного Урала**

Города	Сценарии		
	Экстериорный	Интерьерный	Проективной мемориализации
Челябинск	«Кировка» <sup>a</sup>		
	Центральный парк культуры и отдыха им. Ю.А. Гагарина	Памятник В.И. Ленину	Центральный парк культуры и отдыха им. Ю.А. Гагарина
	Государственный исторический музей Южного Урала		
	Площадь Революции (территориальный центр города)		Южно-Уральский государственный университет
	Исторический центр города <sup>b</sup>		
Магнитогорск	Памятник «Тыл — фронту»		
	Памятник «Первая палатка»		
	Архитектурный ансамбль Левого берега реки Урал <sup>c</sup>		
	Экологический парк	Памятник «Первый паровоз»	Мемориальный комплекс «Вечный огонь»
	Смотровая площадка	Проспект Metallургов	Магнитогорский металлургический комбинат
Златоуст	Горный парк им. П.П. Бажова <sup>d</sup>	Мемориал Славы	Горный парк им. П.П. Бажова <sup>d</sup>
	Поселок Красная Горка <sup>e</sup>	Памятник П.П. Аносову	
	Национальный парк «Таганай»	Памятник И.Н. Бушуеву	Национальный парк «Таганай»
	Городской краеведческий музей		
	Черная скала (хребет Уральских гор)	Исторический центр города	

*Примечания:*

<sup>a</sup> Пешеходная улица с большим количеством старинных особняков, памятников, локальных мест отдыха.

<sup>b</sup> Несколько десятков купеческих особняков начала XX в., расположенных в центре города.

<sup>c</sup> Историческая застройка 1930—1950-х гг.

<sup>d</sup> Многофункциональный этнографический парк.

<sup>e</sup> Комплекс мемориальных и культовых объектов, связанных с историей города.

ван также незначительным количеством значимых идентификационных символов, появившихся в последние десятилетия, и тем, что они в большинстве своем транслируют идеи истоков, происхождения, общей исторической судьбы (например, «Кировка», Горный парк имени П.П. Бажова и др.), а не ассоциируются с настоящим.

*Однообразие* — ограниченный диапазон объектов, выбираемых жителями одного города, а также тождественность объектов, ориентированных на различные аудитории («я сам», «другие», «потомки»). Действительно, респонденты во всех трех городах в рамках выделенных сценариев назвали практически идентичные объекты (табл. 2). С од-

ной стороны, это говорит о солидарности жителей южноуральских городов, о совпадении их мнений, а значит, об отсутствии конфликта идентичности (большинство жителей отождествляют себя с одними и теми же местами, зданиями, пространствами и пр.). С другой стороны, это свидетельствует о недостатке разнообразия значимых, обладающих идентификационным потенциалом символов, об отсутствии сколь бы то ни было существенного выбора среди объектов, которыми могли бы гордиться и сами жители, и гости города, и потомки.

*Коллективизм* — преобладание символов групповой идентичности. Идентичность, как известно, способствует социальной интеграции, объедине-

нию ее членов вокруг значимых смыслов и символов. Однако такого рода смыслы и символы могут носить как коллективный, так и персональный характер, т. е. генерироваться социальным или приватным опытом человека. В зарубежных исследованиях довольно часто точками опоры городской идентичности выступают объекты, связанные с личной биографией жителей (родной дом, любимый сквер, где в детстве можно было гулять с собакой и т. п.) [13; 15]. В нашем исследовании такие объекты фигурировали лишь однажды — в ответах челябинских респондентов на вопрос о значимых лично для них символах города («мой дом» — 5%). Во всех остальных случаях респонденты указывали объекты общественного значения. Вероятно, такая черта городской идентичности фиксирует общие особенности современной российской культуры, которая еще во многом сохраняет черты коллективизма и базируется на социальноориентированных формах общественного бытия.

*Центрированность* — центростремительная локализация объектов, их расположение преимущественно в центре города. Территориальная и символическая центрированность городской идентичности является вполне объяснимой, особенно в контексте застройки южноуральских индустриальных городов. Рост города осуществлялся вокруг исторического центра, где и располагались практически все знаковые объекты. Аналогичную ситуацию фиксируют и авторы исследования локальной идентичности жителей городов центральной России (Владимира, Смоленска, Ярославля): «По результатам фокус-групп можно отметить, что “центр города” с присущими ему знаковыми элементами уверенно лидирует по числу упоминаний. Участники всех фокус-групп обозначили “исторический центр” как главное место города, причем в самом центре выделялись и обосновывались и иные значимые локальные “точки”, неотделимые от Центра, но имеющие определенную самостоятельную ценность...» [7, с. 38].

Безусловно, довольно сложно делать системные выводы о специфике идентичности жителей южноуральских индустриальных городов исключительно на основании изучения ее знаково-символического уровня и без аналогичного исследования, ориентированного на сравнение выявленных черт с чертами городской идентичности других промышленных и/или непромышленных городов. Однако результаты проведенного исследования позволяют со значительной долей уверенности говорить о весьма рельефно проявленных особенностях восприятия южноуральцами собственной малой Родины, о проблемных и сильных сторонах сложившейся городской идентичности, векторах ее коррекции и совершенствования.

#### Список источников

1. Нора П. Франция-Память. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 333 с.
2. Erikson E.H. The Erik Erikson Reader / ed. by R. Coles. New-York : W.W. Norton & Company, 2001. 528 p.
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. Москва : Прогресс, 1996. 344 с.
4. Melucci A. Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society. Philadelphia : Temple University Press, 1989. 288 p.
5. Крупкин П.Л. Коллективные идентичности и социогенез. К теории социального единения // Вопросы национализма. 2014. № 1 (17). С. 128–145.
6. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
7. Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля : Итоговый аналитический отчет о результатах массовых опросов населения / И.В. Задорин, Р.В. Евстифеев, П.Л. Крупкин и др. Москва, 2016. 120 с. URL: [http://www.zircon.ru/upload/iblock/a5a/Izbrannoe\\_ZIRCON\\_GLI\\_2015.pdf](http://www.zircon.ru/upload/iblock/a5a/Izbrannoe_ZIRCON_GLI_2015.pdf) (дата обращения: 16.02.2022).
8. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.
9. Федотова Н.Г. Городская идентичность как конкурентное преимущество территории // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 372–377.
10. Горнова Г.В. Структура городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 14–16.
11. Lalli M. Urban-Related Identity: Theory, Measurement and Empirical Findings // Journal of Environmental Psychology. 1992. Vol. 12, № 4. P. 285–303. DOI: 10.1016/S0272-4944(05)80078-7.
12. Правоторова А.А., Кондратьева У.Г. Теоретические основания исследования городской идентичности // Творчество и современность. 2018. № 2 (6). С. 69–79.
13. Nientied P. Hybrid Urban Identity — The Case of Rotterdam // Current Urban Studies. 2018. Vol. 6, № 1. P. 152–173. DOI: 10.4236/cus.2018.61008.
14. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург : Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. Т. 18. Тарту : Тартуский государственный университет. 1984. С. 30–45.
15. Ujang N. Place Attachment and Continuity of Urban Place Identity // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 49. P. 156–167. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.07.014.



16. Arefi M. Non-Place and Placelessness as Narratives of Loss: Rethinking the Notion of Place // Journal of Urban Design. 1999. Vol. 4, № 2. P. 179–193. DOI: 10.1080/13574809908724445.
17. Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. Москва : Новое литературное обозрение, 2005. 224 с.
18. Нуркова В.В. Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7, № 2. С. 64–82.
19. Рубина Д. На солнечной стороне улицы. Москва : Эксмо, 2021. 432 с.
20. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения 23.06.2021).
21. Недосека Е.В., Жигунова Г.В. Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) // Арктика и север. 2019. № 37. С. 118–133.
22. Васильев А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 2. С. 141–168.

---

---

## The Sign-Symbolic Level of Urban Identity of the Inhabitants of Industrial Cities of the Southern Urals

**Maria L. Shub**

Chelyabinsk State Institute of Culture, 36a,  
Ordzhonikidze Str., Chelyabinsk, 454091, Russia  
ORCID 0000-0002-3159-6391  
E-mail: shubka\_83@mail.ru

**Abstract.** *The article deals with the comprehension of the phenomenon of urban identity in general and its sign-symbolic level in particular. By urban identity in the context of the presented scientific text, we mean a set of authentic features and characteristics, inherent in a particular city, that perform an attributive function, allowing to differentiate it from other cities; the process and result of a person's identification with the city, based on the acceptance of its identity, on the emotional entry into the space of its material and sign-symbolic environment. The sign-symbolic level of urban identity assumes personal mastering of the city's semiotic environment, its inclusion in the space of the event and emotional experience of its inhabitants, transformation of the objects of the city's sign-symbolic space into a set of "memory places". The author of the article conducted a culturological study of the urban identity of the residents of industrial cities of the Southern Urals (semi-formalized interviewing method; the array of respondents – 270 people), including its sign-symbolic component. Its specific features are culturocentricity (predominance of man-made sign-symbolic objects over natural and mixed ones); commemorativeness (dominance of memorial objects – memorial sculpture and sculptural compositions, museums, ethnoparks, historical buildings, other monuments of historical and cultural heritage – over objects of other types); retro-orientation (predominance of objects temporally associated with*

*the past, mainly with the Soviet period); monotony (limited range of objects chosen by residents of one city); syncretism (identity of objects aimed at different audiences); collectivism (total predominance of objects – signs of group identity); centrality (centripetal localization of objects, their location mainly in the city center). The results of the conducted research allow us to speak, with a significant degree of confidence, about the very clearly manifested features of the Southern Urals cities inhabitants' perception of their own small Homeland, about the problematic and strengths of the existing urban identity, the vectors of its correction and improvement.*

**Key words:** theoretical cultural studies, cultural practices, identity, local identity, urban identity, sign-symbolic level of identity, industrial city, architecture.

**Citation:** Shub M.L. The Sign-Symbolic Level of Urban Identity of the Inhabitants of Industrial Cities of the Southern Urals, *Observatory of Culture*, 2022, vol. 19, no. 2, pp. 128–137. DOI: 10.25281/2072-3156-2022-19-2-128-137.

### References

1. Nora P. *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskogo Universiteta Publ., 1999, 333 p. (in Russ.).
2. Erikson E.H. *The Erik Erikson Reader*. New-York, W.W. Norton & Company Publ., 2001, 528 p.
3. Erikson E. *Identity: Youth and Crisis*. Moscow, Progress Publ., 1996, 344 p. (in Russ.).
4. Melucci A. *Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society*. Philadelphia, Temple University Press Publ., 1989, 288 p.
5. Krupkin P.L. Collective Identities and Sociogenesis. Toward a Theory of Social Cohesion, *Voprosy natsionalizma [Issues of Nationalism]*, 2014, no. 1 (17), pp. 128–145 (in Russ.).
6. Alexander J. Cultural Trauma and Collective Identity, *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*, 2012, no. 3, pp. 6–40 (in Russ.).

7. Zadorin I.V., Evstifeev R.V., Krupkin P.L. et al. (eds.) *Gorodskie lokal'nye identichnosti kak osnova formirovaniya ustoychivyykh mestnykh soobshchestv. Issledovanie obshchegorodskikh identichnostei zhitelei Vladimira, Smolenska, Yaroslavya: Itogovy analiticheskii otchet o rezul'tatakh massovykh oprosov naseleniya* [Urban Local Identities as a Basis for the Formation of Sustainable Local Communities. A Study of the Citywide Identities of Residents of Vladimir, Smolensk, Yaroslavl: Final Analytical Report on the Results of Mass Surveys of the Population]. Moscow, 2016, 120 p. Available at: [http://www.zircon.ru/upload/iblock/a5a/Izbrannoe\\_ZIRCON\\_GLI\\_2015.pdf](http://www.zircon.ru/upload/iblock/a5a/Izbrannoe_ZIRCON_GLI_2015.pdf) (accessed 16.02.2022).
8. Yadov V.A. Social and Socio-Psychological Mechanisms of Formation of the Social Identity of a Person, *Mir Rossii* [Universe of Russia], 1995, no. 3–4, pp. 158–181 (in Russ.).
9. Fedotova N.G. Urban Identity as a Competitive Advantage of the Territory, *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2016, no. 5, pp. 372–377 (in Russ.).
10. Gornova G.V. Structure of Urban Identity, *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies], 2018, no. 3 (20), pp. 14–16 (in Russ.).
11. Lalli M. Urban-Related Identity: Theory, Measurement and Empirical Findings, *Journal of Environmental Psychology*, 1992, vol. 12, no. 4, pp. 285–303. DOI: 10.1016/S0272-4944(05)80078-7.
12. Pravotorova A.A., Kondratyeva U.G. Theoretical Foundations of the Investigation of Urban Identity, *Tvorchestvo i sovremennost'* [Creativity and Modernity], 2018, no. 2 (6), pp. 69–79 (in Russ.).
13. Nientied P. Hybrid Urban Identity – The Case of Rotterdam, *Current Urban Studies*, 2018, vol. 6, no. 1, pp. 152–173. DOI: 10.4236/cus.2018.61008.
14. Lotman Yu.M. The Symbolism of Petersburg and the Problems of Semiotics of the City, *Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury*. Peterburg: Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam [Semiotics of the City and Urban Culture. Petersburg: Scientific Notes of the Tartu State University. Works on Sign Systems], vol. 18. Tartu, Tartuskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 1984, pp. 30–45 (in Russ.).
15. Ujang N. Place Attachment and Continuity of Urban Place Identity, *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, vol. 49, pp. 156–167. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.07.014.
16. Arefi M. Non-Place and Placelessness as Narratives of Loss: Rethinking the Notion of Place, *Journal of Urban Design*, 1999, vol. 4, no. 2, pp. 179–193. DOI: 10.1080/13574809908724445.
17. Pavlov E. *Shok pamyati. Avtobiograficheskaya poetika Val'tera Ben'yamina i Osipa Mandel'shtama* [Shock of Memory. The Autobiographical Poetics of Walter Benjamin and Osip Mandelstam]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2005, 224 p.
18. Nurkova V.V. Autobiographic Memory in a View of Cultural-Historical and Activity Theory Methodology, *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2010, vol. 7, no. 2, pp. 64–82 (in Russ.).
19. Rubina D. *Na solnechnoi storone ulitsy* [On the Sunny Side of the Street]. Moscow, Eksmo Publ., 2021, 432 p.
20. Halbwachs M. Collective and Historical Memory, *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Ration], 2005, no. 2–3 (40–41), pp. 8–27. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (accessed 23.06.2021) (in Russ.).
21. Nedoseka E.V., Zhigunova G.V. Features of Local Identity of Single-Industry Town Residents (The Case of the Murmansk Oblast), *Arktika i sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 118–133 (in Russ.).
22. Vasilyev A. Embodied Memory: Commemorative Ritual in Sociology of Émile Durkheim, *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2014, vol. 13, no. 2, pp. 141–168 (in Russ.).